

Доклад 45. Русский контур в экономике

Олег Владимирович Степанов

Основатель проекта «Россия 2062»
и АНО содействия развитию территорий «Большая Земля»,
эксперт комитета экономики ГД РФ и МСХ РФ.

Часть 1. Потребительская экономика – механизм катастрофы

«Потребительская экономика» (не исключая марксизм) – продукт западной мысли – более ста лет указывала магистральный путь развития мирового хозяйства. Сейчас «потребительская экономика» находится в кризисе и ведет к катастрофе – экономической, социальной и природной. Мировая экономическая мысль ищет выходы из кризиса в идеях социальной справедливости и устойчивого развития. Но эти идеи лежат вне экономических механизмов и звучат просто как этические императивы, поэтому не дают результата.

Нам кажется, что самостоятельной русской экономической мысли не существовало. Однако это не так. Серебряный век был расцветом русской культуры и науки. Мы находим там очень сильные концепции хозяйствования, исходящие из целостного восприятия Вселенной и человека, как ее активной части. Что, собственно, и дало изначальный толчок развитию экологических концепций об устойчивом развитии, но затем, как мы увидим, было искажено логикой потребительского восприятия механизмов хозяйствования. Пришла пора русской экономической мысли, опираясь на собственную традицию, задать новые тренды, которые могут придать экономике новое, действительно «устойчивое развитие».

Что такое экономика в мейнстримном либеральном понимании и в чем ее приводной ремень? Наука экономика изучает законы хозяйственной деятельности человека. В современных экономических моделях они имеют характер необходимости, т. е. как яблоко с необходимостью закона тяготения падает на голову Ньютону, так и мы с неотвратимостью необходимости удовлетворяем свои потребности, карабкаясь по пирамиде псевдо-Маслоу от основания к вершине, от базовых к так называемым «духовным потребностям».

Наши потребности мы удовлетворяем при помощи товаров и услуг, нами же производимых. Например, чтобы удовлетворить потребность сидеть на стуле, а не на полу, кто-то купит дерево и, вложив свой труд, с помощью средств производства сделает стул. Таким образом, за счет труда человека будет создана добавленная стоимость – разница между ценой куска дерева и стула. А если средства производства и материал приобретенные, то значит, в процесс вложен капитал, требующий отдачи с премией.

Как возникает цена? За счет вовлечения товаров и услуг в процессы мена, т. е. торговли. По современным представлениям в процессе обмена возникают точки равновесия между многими факторами, а не только объемом спроса и предложения, как это было в модели Леона Вальраса столетней давности. В этих точках равновесия и возникает цена.

Товары и услуги, удовлетворяя наши потребности, имеют свойство терять свою полезность или ценность для нас – ломаются, стареют, «съедаются», и нам требуются новые товары и услуги. Так возникают циклы производства/потребления, так крутится маховик экономики. Если бы ценность не исчезала, то маховик экономики остановился бы – экономика «сломалась». Чем с большей амплитудой и чем быстрее он крутится, тем больше ВВП – годовой объем производимых товаров и услуг на территории. Считается, что чем больше ВВП, тем богаче люди на этой территории, ведь, поделив ВВП на количество проживающих людей, мы получаем как бы «подушное богатство». А еще есть странное требование к ВВП – все время расти (иное не обсуждается), нельзя быть таким же «богатым» как вчера, надо становиться только богаче. Видимо, так создается иллюзия стабильности, так как если завтра все произведенное и приобретенное «подушное богатство» должно превратиться в ничто, чтобы работала экономика, то хотя бы этого завтрашнего «ничто» должно стать больше.

В современной либеральной экономической картине есть еще одно важное понятие – производительность труда. Она тоже должна все время расти (никак иначе), потому что чем выше производительность труда, тем больше «богатства» создается в единицу времени. Рост производительности труда достигается за счет двух факторов: упрощение трудовых операций человека и замены уже упрощенного человеческого труда автоматами (к этому в пределе приводит совершенствование средств производства).

Вот непротиворечивая картина «мира экономики», или *economics*. Кажется, что тут все просто, логично и естественно, надо только не сопротивляться, не препятствовать, и все отрегулируется согласно разум-

ным законам экономики. Однако в этом мире есоnomics есть серьезные противоречия и проблемы, постепенно приводящие наш реальный мир к катастрофе: финансовой, социальной и природной.

Во-первых, такая экономика не должна создавать никаких долгосрочных ценностей, иначе маховик перестанет крутиться. И даже более того, чем «более быстро исчезающие» блага создаются в есоnomics, тем лучше – маховик крутится быстрее, растет ВВП. Но блага не берутся из ниоткуда и не исчезают бесследно. Для производства благ нужны ресурсы, а после их исчезновения остаются отходы. То есть сам механизм такой экономики требует использования все большего объема ресурсов и выброса все большего количества отходов и ведет к экологической катастрофе. Требования беречь ресурсы, использовать возобновляемые ресурсы, перерабатывать отходы лежат в моральной плоскости, вне законов и механизмов есоnomics. Да и смешно полагать, что потребительский продукт может возникнуть из ничего и превратиться после использования в ничто, а в любом ином случае при бесконечном росте ВВП все равно и ресурсы будут расходоваться больше, и отходы будут расти.

Вторая нерешаемая проблема есоnomics – спекуляция, и даже не спекулятивный капитал, а возникновение чисто спекулятивной ненастоящей ценности. В потребительской экономике никогда не будет взаимосвязи «цены» и «ценности». Потому что ценность создается в процессе производства и труда, а цена возникает совершенно независимо – в процессе торговли и обмена. На эту проблему обращали внимание еще экономисты XIX века, и до сих пор не оставляются попытки связать цену с количеством и качеством труда. Но безуспешно – цена складывается во время обмена и торговли. Это приводит к тому, что спекулятивная составляющая цены играет решающую роль.

Мы видим, что, например, цена на некоторые продукты во время пандемии подскочила из-за спекуляций на временном дефиците в х раз. Дефицит исчез, а цена осталась прежней. Стало ли вкладываться больше труда в производство этих продуктов, изменился объем спроса или предложения? Нет. Это фокусы спекулятивной торговли – возникла дутая спекулятивная стоимость.

Другой пример – напиток Соса или Pepsi или любая другая шипучка, продающаяся в банках и бутылках. Десятками лет состав этих напитков никак не меняется, только триллионы вливаются в рекламу, в брэндинг – и стоимость брендов растет. Зачем улучшать производимый продукт, если можно просто ввести в Совет директоров трансгендера – и стоимость компании вырастет! На данный момент более 95% стоимости этих компаний составляют нематериальные активы – т. е.

спекулятивная часть или «воздух». В мировой экономике стоимость нематериальных активов превышает объем реально производимых товаров и услуг в восемь раз! Это тоже следствие менового контура экономики – трансгендеры там сейчас продаются лучше, чем непосредственная полезность производимого продукта.

Третья проблема потребительской экономики вытекает из первых двух – растущий объем постоянно производимых и постоянно исчезающих благ сводит их потребительскую полезность к нулю. Ну да, первая машина полезна, вторая – менее, а двадцать первая машина какую имеет потребительскую полезность? А как зафиксировать богатство, фундаментальное свойство которого, во-первых, исчезать, во-вторых, полезность которого стремится к нулю. Механизмы экономики требуют продажи «воздуха», а человеческая природа требует накопления богатства – это взаимоисключающие вещи. Именно поэтому развиваются чисто конвенциональные, основанные на чистом согласии, методы фиксации богатства – рынок огромных неиспользуемых яхт, рынок недвижимости в строго определенных локациях, рынок спортивных трансферов, пухнувший рынок произведений искусства, цифры на котором уже приближаются к десятизначным, и так далее!

Мы видим, что это конвенциональное богатство легко подliegt процедуре «отмены». По щелчку пальцев, без переворотов и революций российские олигархи потеряли все – деньги, яхты, дворцы, стоимость компаний, даже сама юридическая принадлежность компаний поставлена под вопрос. Еще сто лет назад для этого требовался разбой, грабеж, революция. Теперь же, как в сказке о Золотой антилопе, все «золото» в одну секунду превратилось в черепки. Это не случайное, а фундаментальное свойство современного богатства – оно виртуально, и оно есть до тех пор, пока считается, что оно есть. Как это ни странно и ни смешно.

Четвертая и нарастающая проблема современной экономики – ненужность человеческого труда. Есть миф о том, что с ростом производительности труда человек освобождается от тяжелого труда для творческой работы. В реальности мы видим, что труд сводится к простейшим операциям, которые затем легко автоматизируются, и человек освобождается от функции производителя в экономике (а заодно от возможности действительно творческого труда). За ним остается лишь функция потребителя, и современные экономисты говорят о том, что проще выплачивать всем базовый доход, чем придумывать новые сферы приложения труда. Но именно как потребитель человек нужен до сих пор – позарез, иначе экономика перестанет работать.

Достаточно непредвзято посмотреть на то, чем занимается армия офисных работников и участников «креативных кластеров» в развитых странах – это, конечно, чисто бюрократическая деятельность, имеющая полезность близкую к нулю. Есть анекдот, хорошо демонстрирующий реальный КПД офисной работы. Председателю Совета директоров крупной добывающей корпорации птичка запачкала снаружи окно кабинета. Поскольку стекла в небоскребе были панорамные и глухие, он попросил вызвать альпинистов и стереть птичий сюрприз. Все были «за» и побежали исполнять. Однако процесс согласования занял полгода – никто не мог его ускорить, хотя все мгновенно ставили подписи. И самый главный босс топал ногами и скрежетал зубами, но вынужден был смотреть на испачканное окно. Таков КПД офисной бюрократии. Это реальная история, рассказанная топ-менеджерами корпорации.

Пятая проблема экономики – отсутствие связи макроэкономических процессов с микропроцессами экономики, где действуют реальные субъекты экономики – мы с вами. Именно поэтому требования построить «инклюзивную», т. е. «справедливую» экономику абсолютно несбыточны, так как вообще непонятен механизм связи объема вырабатываемых благ с благосостоянием конкретных субъектов экономики. С одной стороны, мы видим массу субъектов экономической деятельности в виде физических и юридических лиц, с другой стороны, описания макроэкономических процессов, где этим субъектам нет места. И нет экономических моделей, которые бы математически связывали национальный или мировой объем богатств с богатством конкретных лиц (юридических и физических), имеющих координаты места и времени. В логике потребительской экономики мы имеем дело со среднеарифметическими величинами, с виртуальным субъектом экономики – *homo economicus*. Это такой условный, не улыбающийся, рациональный «экономический человек», человек-модель, нигде в конкретном месте и времени не находящийся. Он-то богатеет, а вот конкретные люди – очень по-разному.

Как только мы попытаемся задать координаты места и времени, так ответы у современной экономической теории закончатся. Какой КПД от роста ВВП для жителя центра Москвы, для жителя окраин Москвы, для жителя деревни в Сибири, малого города на Урале? Каковы механизмы распределения этого виртуального богатства? Очевидно, что КПД очень разный, а механизмы распределения совершенно волонтаристские и не могут быть описаны. Конкретных ответов на эти вопросы нет. Однако современная практическая экономика пытается выписывать рецепты, исходя из этой неработающей

теоретической модели. Это все равно как ядерный реактор попытаться построить на представлениях о том, что вместо физики квантовых частиц на микроуровне работает детерминистическая физика маленьких абстрактных «ньютоновых» тел.

С 1970-х годов проблема движения человеческой цивилизации по катастрофическому пути развития осознается в развитых странах. Есть многочисленные доклады Римского клуба, есть зафиксированный в документах ООН дискурс об «устойчивом развитии» мира. Императивы этого дискурса понятны: давайте беречь ресурсы, давайте справедливо распределять блага, давайте замедлим рост. Проблема в том, что эти императивы лежат вне законов, по которым работает мир *economics*. За пятьдесят лет этот дискурс не дал никаких результатов и не может дать. Мы видим, как все в восторге от роста китайской экономики более чем на 5 % в год, как все стремятся повторить этот рост, как все корпорации имеют планы увеличивать и увеличивать объемы продаж, хотя мир завален ненужными вещами и отходами, мы видим, что часть мира бесится с жиру, а часть голодает... И ничего не меняется десятилетиями, потому что таковы вышеперечисленные механизмы экономики, породившие эти проблемы.

Как мы можем управлять устойчивым развитием мира, когда понятия социальной и природной гармонии, красоты внеположны миру нашей хозяйственной деятельности? То есть мы сами выделили рациональную зону хозяйствования, где действуют только законы конкуренции, равновесия и роста объема производимых благ, срок жизни которых должен сокращаться. Мы назвали зону такого хозяйствования – экономика. Но что такое термин «экономика»? Это термин Аристотеля «ойкономика». Буквальный перевод – «все, что касается законов ведения хозяйства» (*plurale tantum* из др.-греч. ойкос – хозяйство и номос – закон). До второй половины XX века употребляли слово «хозяйство», «народное хозяйство» для обозначения того, что мы сейчас называем словом «экономика». Конечно, мы можем сказать, что экономика – это та часть хозяйственной деятельности человека, которая соответствует модели, которая описана выше, а остальное – это неопируемая, иррациональная сфера хозяйства.

И создается в самом ужасном – именно за счет такой ограниченной экономической модели человеческого хозяйствования возникает выгороженная зона для рациональных хозяйственных действий *homo economicus*. Мы сами ее выгородили и изъяли из целостной экосистемы Земли и Вселенной! Именно поэтому эта деятельность, для которой красота и гармония – не только природная, но и социальная, оказы-

ваются внеположной, такая деятельность и приводит к катастрофе, к разрушению красоты и гармонии экосистемы не только в природном, но и в социальном плане. Пространство еconomics не самодостаточно, хоть и стремится к подобию этого, поэтому оно берет ресурсы извне этой выгороженной зоны и сбрасывает вовне отходы, поэтому концентрирует богатство-активы в ограниченном числе мировых финансовых центров, выпихивая на периферию (в страны третьего мира) нужду-пассивы в виде деятельности по добыче сырья и реального производства товаров. Именно поэтому бесконечно увеличивающаяся денежная масса, которая призвана разогреть вращение циклов экономики, должна продаваться из финансовых центров на периферию так, чтобы все обесценивающий инфляционный навес обрушивался на периферию, очищая золотую сердцевину мира еconomics.

Часть 2. Два контура экономики – установление цены и создание ценности. Два богатства экономики. Где в экономике спряталась свобода воли?

Возможна ли другая экономика, другие механизмы ее работы, которые направят хозяйственную деятельность человечества по пути, не приводящему к катастрофе? Для меня удивительным открытием была русская экономическая мысль начала XX века, прерванная революцией и пошедшая потом уже по пути развития западного марксизма. Приведу цитату из труда о. Сергия Булгакова (профессора-экономиста, философа, священника и богослова) «Философия хозяйства»: «Итак, хозяйство есть борьба человечества со стихийными силами природы в целях защиты и расширения жизни, покорения и очеловечения природы, превращения ее в потенциальный человеческий организм... Содержание хозяйственного процесса можно поэтому выразить еще и так: в нем выражается стремление превратить мертвую материю, действующую с механической необходимостью, в живое тело, с его органической целесообразностью, поэтому в пределе цель эту можно определить как превращение всего космического механизма в потенциальный или актуальный организм, в преодоление необходимости свободой, механизма организм, причинности целесообразностью, выразить как очеловечение природы».

На мой взгляд, это отправная точка для развития экономической мысли и построения логики новой экономики – экономики заботы о гармонизации всего мира за счет хозяйственной деятельности человека. Такая логика восстановит целостность экосистемы Вселенной, потому что здесь нет места выгороженной зоне «рациональной потреби-

тельской экономики», и человек здесь не изъят, а, наоборот, является активной творческой частью экосистемы.

Каково же может быть развитие в современности этой русской основы экономики, как она может помочь решить пять проблем современной потребительской системы хозяйствования? Надо сказать, что человечество стремится к истине в разных точках земного шара, поэтому разные идеи и концепции, которые стремятся к преодолению тотально потребительской логики экономики, возникают и в США, и в Европе. Всем известна концепция «устойчивого развития», все слышали о концепциях замедления всего – от замедления экономического роста (т. е. безудержного вращения маховика экономики) до замедления потребления, в том числе «еды» – slow food, и социальных процессов – slow cities, есть и экономическая концепция blended value.

Последнее интересно тем, что вводит в экономику измерение неденежных, нефинансовых целей. Ну например, можно поставить цель развития компании «УАЗ»: получить xx рублей прибыли и добиться среднего пробега машин без ремонта xx месяцев, и 100 % локализации производства. Тогда, глядишь, УАЗ перестанет сгнивать за три года, и в России появится действительно местный автомобиль. Очевидно, что логика «смешанной ценности» ущербна, потому что цели непонятно как связаны и могут противоречить друг другу – например, получить прибыль и сделать надежный автомобиль.

Мы привыкли рассматривать человеческую хозяйственную деятельность в разрезе потребления. И таким образом мы получаем контур экономики с процессами: установления ценового равновесия, конкуренции, распределения. В целом этот контур мы можем назвать контуром энтропийных процессов, процессов, происходящих «из нужды» и необходимости насытиться, обогреться и т. д. – «в поте лица своего будешь добывать хлеб свой».

А если мы посмотрим на хозяйственную деятельность человека глазами о. Сергия Булгакова, то мы получим другой разрез, другой контур – контур с процессами производства долгосрочной (а в пределе вечной) ценности, процессом накопления нетленного богатства, контур целеполагающего построения иерархических, гармоничных социально-природных структур и в конце концов контур проявления творческой воли (т. е. действий не из нужды, а из свободы). Девиз этого контура – «не хлебом единым жив человек». Я хочу, чтобы этот контур назвали «русский контур экономики».

Два контура сосуществуют в нашей хозяйственной деятельности – взаимопересекаются, влияют друг на друга. Процессы контура энтро-

пии мы давно осознаем, привыкли их измерять – вся теория экономики об этом. Процессы второго контура – контура гармонизации и выработки ценности, присутствуют в хозяйственной деятельности, в экономике в неосознанном, в неизмеримом виде. Однако уже десятилетия идет процесс осознания и попытки измерения параметров этих процессов.

Это осознание и измерение трех видов капитала – «человеческого» (ЧК), иногда трактуемого как «счастье», «социального» (СК) и «экосистемного» (ЭК). К сожалению, логика потребительского взгляда на экономические механизмы исказила разрабатываемые методы измерения этих видов капитала, поэтому они не выглядят убедительно ни для кого – не выявляют новых механизмов экономики, не соответствуют старым. Тому есть фундаментальная причина – логика бьет мимо субъектов экономической деятельности. Кто субъект накопления этих видов капитала? Отец Сергей Булгаков уловил эту проблему более ста лет назад и точнее некуда ответил на этот вопрос: *«Таким всеобщим и априорным предположением хозяйства – так же, как и знания – представляется родовой или, что то же, исторический характер этой деятельности. Хотя эмпирически, непосредственно она и выражается в мириадах разрозненных актов, но динамически она есть единая и связанная деятельность, которая субъектом имеет не индивид, но род... Этим хозяйство характеризуется как процесс не индивидуальный, но родовой и исторический».*

Если в контуре «энтропии, конкуренции и равновесия» субъектами являются физические и юридические лица – предлагающие и потребляющие товары и услуги, то в контуре «накопления ценности, созидания» субъектом экономической деятельности являются макрообщности (не путать с коллективом) – местное сообщество, народ, человечество. Эти макросубъекты не являются потребителями вообще, не являются множеством получателей индивидуальных потребительских благ. Поэтому логика измерения как суммирования индивидуальных показателей не работает.

Например, человеческий капитал измеряется по разным методикам как интегральный показатель i -х: уровней образования, доходов, ожидаемых продолжительностей жизни. Это в корне неверно. Субъектом, накапливающим ЧК, является местное сообщество, сообщество на территории. Несомненно, ЧК необходимо научиться измерять как интенсивность вовлеченности людей (интеллектуальной и физической) во взаимодействие с территорией проживания – это и есть индекс измерения не психологического, но общественного тер-

риториального счастья-гармонии. То есть выражение ЧК – это карта интенсивности для территории, это частотные характеристики, это отношение макрообщности людей к территории, а не подсчет сумм индивидуальных показателей.

СК – это объем социальных связей внутри территории, гармония общественного устройства и взаимоотношений людей, а ЭК – объем того, что человек получает от природы в рамках гармоничного взаимодействия по трем направлениям – производственное, регуляционное и рекреационное. Нарботки по вычислениям параметров уже есть – используются методы big data в обработке экономических, социологических и географических данных. Это начало пути, которое можно сравнить с состоянием математических или физических описаний на этапе зарождения этих наук.

Совершеннейшей профанацией является унификация данных для вычисления этих видов капитала для макрообщностей разного масштаба. Очевидно, что углеродный след может быть важен для человечества в целом, но для местного районного сообщества важен не углеродный след, а размер регуляционных экосистемных услуг, которые выражаются в пересохших ручьях и обмелевших, обезрыбевших реках.

Собственно, интересно смотреть на пересечения контура равновесия и контура создания ценности. Ну например, интересно, как размер социального или экосистемного капитала влияет, отражается на объеме производимых товаров и услуг. Сейчас модно отмечать очевидную взаимосвязь СК и предпринимательской деятельности, или другой простейший пример – очевидно, что размер рекреационных экосистемных услуг будет связан с объемом туристических услуг.

Здесь образуется очень интересное поле для разработки экономической теории, так как очевидно, что для стабилизации экономической деятельности объем денежной массы должен соответствовать не желанию разогнать маховик производства/потребления тленных, исчезающих благ, а накоплению трех указанных видов стабильного долгосрочного капитала. В контуре энтропии и равновесия, в контуре потребления они перейдут в объемы производства и потребления товаров и услуг, но необходимого и достаточного объема, а не вечно непонятно зачем и почему растущего. Например, размер производственных экосистемных услуг должен определять объем инвестиций в производственную деятельность человека. При всем том, что методология расчета производственных услуг бесконечно далека от таких подсчетов, но это требование к развитию науки масштаба, который задавал Вернадский, а не умственные пигмеи из Всемирного банка.

Именно на пересечении механизмов двух контуров решаются все пять проблем человеческого хозяйствования: долгосрочная ценность получает выражение в цене, человеческий труд и творческая воля выражается в объеме созданных ценностей и долгосрочного богатства, затраченные ресурсы ставятся в соответствие с полученным результатом, богатство не требует искусственной фиксации, так как оно не принадлежит индивидуальным субъектам потребительского контура экономики.

Вот с пятой проблемой хочется разобраться отдельно. Так как здесь собственно требуется развитие в экономике теории, аналогичной квантовой физике. Как и квантовая физика отменила детерминизм, существующий на уровне ньютоновых макротел, так и описание локальных процессов в экономике отменяет равновесие и детерминизм, существующие в макроэкономических процессах.

В последние десятилетия при описании процессов и объектов на микромасштабе, имеющих вполне конкретные координаты места и времени (например, кейс «марсельского рыбного рынка»), при помощи аппарата математической теории игр стали проявляться интересные явления, где присутствует фундаментальная случайность, а значит, есть место для свободы воли, возникают описания неравновесных несимметричных (необратимых) процессов. Уже сейчас ясно, что именно на этом уровне экономика сможет «увидеть», как вроде бы слабое волевое усилие одного человека может породить огромные бифуркационные изменения!

Научиться описывать экономические процессы на уровне конкретных физических и юридических лиц, имеющих развитие в конкретном времени и пространстве, понять, как они связаны с равновесными макроэкономическими явлениями – это будет фундаментальный скачок в развитии экономической мысли. И для этого должны развиваться исследования экономики малых территорий – районов, управ и сельских поселений, именно в этом масштабе становятся значимы «квантовые частицы экономики» – конкретные физические и юридические лица, мы с вами.

Именно это позволит выстраивать «справедливые» механизмы экономики, учитывающие вклады и интересы конкретных экономических агентов. Пока же, безосновательно проецируя равновесные макроэкономические процессы на микромасштаб, мы просто тормозим процессы контура создания ценности и накопления богатства, пытаюсь превратить людей в условные экономические субъекты, действующие по законам энтропии и смерти.

Доклад 46.

Вселенские законы – основа жизни русского человека в русских сказках

Оксана Григорьевна Покатаева

Психолог-практик, исследователь счастья и стремления человека к нему. Советник Российской Академии Естествознания, директор по счастью в Профессиональной психотерапевтической Лиге.

Я сегодня хочу осветить эту идею о том, что вселенские законы отражаются в наших сказках и, что самое важное, русская идея воплощается, когда русский человек интуитивно их знает и живет по этим вселенским законам. Я лишь немного освещаю эту мысль. Я философ-практик. Я философию внедряю в практику, потому что мне всегда было очень интересно, когда философы обсуждают разные вопросы, например счастье. Это обычное состояние, а как человеку стать счастливым? Мне нравилось читать философов, но при этом хотелось внедрить это в жизнь людей и в свою жизнь. Не только что, но еще и как, поэтому я рассмотрю вопрос больше с позиции практика. Я с детства очень люблю сказки, много их перечитала, как многие дети того времени, целую неделю ждала, где посмотреть фильмы, которые были построены на сюжетах русских или славянских сказок. Затем я стала приобретать опыт сказкотерапевта. Мы со многими людьми – взрослыми и детьми – как перечитывали, так и создавали эти сказки. Это был инструмент для нас. Я все время исследую, как законы Вселенной могут быть привнесены в нашу жизнь – либо народом через наши сказки, либо автором какой-то сказки. Но они же как-то к нам приходят, привносятся. Все это было мне интересно, и я это изучала. Хочу заметить, что во многих направлениях психологии эти законы Вселенной отражены. Просто они называются по-разному, другими словами. Но во многих направлениях психологии они есть. Поскольку мы здесь говорим о русской идее, то я буду стараться приводить примеры из русских сказок, славянских сказок.

Основная идея – привести пример вселенских законов. Что такое вселенские законы? Откуда они появились? Я думаю, что они появились у нас из жизни. Они передавались с помощью сказок, былин, ми-